

Фомина Татьяна Юрьевна

**К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ И СОЦИАЛЬНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ АРХИЕРЕЕВ
ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ**

В статье рассматривается проблема национального и социального происхождения архиереев домонгольской Руси. Летописные источники практически не содержат известий по данному вопросу. Житийная литература во многом легендарна и относится к XIV-XVI вв. Церковная историография свидетельствует о многонациональном составе архиерейских кадров, епископы "русины" до поставления принадлежали к лицам княжеского окружения, боярским родам либо продолжали традиции священнических семей. Однако большинство этих данных не находит подтверждения в исторических источниках.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-2/53.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 200-204. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

разумной и обоснованной защитой государственных секретов и соблюдением прав и свобод гражданина, видится следующим:

- установить максимальным сроком ограничения права гражданина на выезд из Российской Федерации срок истечения трудового договора (контракта). По окончании заключенного трудового договора (контракта) установление ограничений на свободу передвижения гражданина недопустимо;
- исключить из вопросов ведения Межведомственной комиссии по защите государственной тайны полномочия по продлению срока ограничения права на выезд из Российской Федерации.

Список литературы

1. В удовлетворении заявления о признании незаконным решения миграционного органа об ограничении выезда за пределы РФ отказано правомерно, так как в период прохождения службы заявитель был осведомлен о сведениях совершенно секретных, отнесенных к государственной тайне; установленное ограничение его права на выезд за пределы РФ не вышло за определенный срок, установленный типовым контрактом, заключенным с заявителем [Электронный ресурс]: Определение Верховного Суда РФ от 16.03.2011 № 78-Г11-12. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_48772.htm (дата обращения: 19.09.2013).
2. Дело «Барттик (Bartik) против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 21.12.2006 (жалоба № 55565/00) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2007. № 6.
3. Зайцев Ф. А. О некоторых вопросах, связанных с выездом военнослужащих из Российской Федерации (на примере судебной практики Европейского суда по правам человека) // Право в Вооруженных Силах. 2009. № 9.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950, с изм. от 13.05.2004 // Собрание законодательства РФ (СЗРФ). 2001. № 2. Ст. 163.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗРФ. 2009. № 4. Ст. 445.
6. О государственной тайне: Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 15.11.2010) // СЗРФ. 1997. № 41.
7. О гражданских и политических правах: Международный пакт от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
8. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 17.12.2011) // СЗРФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

**PROBLEM OF RESTRICTION OF RIGHT TO FREEDOM OF MOVEMENT OF PERSONS
ADMITTED TO STATE SECRETS ACCORDING TO RUSSIAN CONSTITUTIONAL LAW**

Filippov Evgenii Mikhailovich

*Volga Region Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation
emfilippov@yandex.ru*

The article is devoted to the topical constitutional-legal problem of the restriction of certain rights and freedoms of persons, who are bearers of classified information, in particular the right to freedom of movement. The article gives a brief analysis of the current court practice in this sphere, and also presents the position of the Council of Europe and the European Court of Human Rights, to which the citizens of the Russian Federation often apply in order to protect their rights. After analyzing the existing Russian legislation and international treaties, the author suggests a possible solution to such a problem.

Key words and phrases: state secret; freedom of movement; judicial protection; restriction of rights; international obligations.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается проблема национального и социального происхождения архиереев домонгольской Руси. Летописные источники практически не содержат известий по данному вопросу. Житийная литература во многом легендарна и относится к XIV-XVI вв. Церковная историография свидетельствует о многонациональном составе архиерейских кадров, епископы «русины» до поставления принадлежали к лицам княжеского окружения, боярским родам либо продолжали традиции священнических семей. Однако большинство этих данных не находит подтверждения в исторических источниках.

Ключевые слова и фразы: Древняя Русь; церковная иерархия; епископы, духовенство.

Фомина Татьяна Юрьевна, к.и.н.

*Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов
stal73@yandex.ru*

**К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ И СОЦИАЛЬНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ
АРХИЕРЕЕВ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ[©]**

Одним из актуальных направлений исследований по церковной истории домонгольского периода является изучение архиерейской власти, в частности, таких проблем, как становление церковной организации,

процедура поставления в должность, церковно-государственные отношения. Значительное внимание в отечественной историографии уделялось изучению епископской власти, однако вопрос национального и социального происхождения архиереев домонгольской Руси не нашел своего обстоятельного рассмотрения в научных исследованиях. Однако, несмотря на это, данная проблема в контексте церковной историографии почему-то в целом считается разрешенной. Высказанные по названной проблеме суждения П. Стрובה, митрополита Мануила (Лемешевского), иеромонаха Амвросия о национальной и социальной принадлежности целого ряда архиереев в церковно-исторической науке приняты в качестве образцовых [3; 8-10; 16]. Тем не менее, проблема происхождения древнерусского епископата пока не была максимально разрешена. Поэтому в данном исследовании попытаемся обобщить и проанализировать материалы по данному вопросу.

В церковной иерархии архиерейская власть представлена тремя степенями священства – митрополиты, архиепископы, епископы. Согласно наблюдению П. Гидулянова, «слово –митрополит» впервые упоминается в никейских канонах. В канонах антиохийского собора 341 года мы встречаем выражение —«вископы коим вверены митрополии», —«вископ митрополии», —«митрополит». Это позволяет рассматривать митрополита как —«вископа главного города гражданской провинции»» [1, с. 266]. Следовательно, киевских митрополитов можно считать не только иерархами, стоящими во главе древнерусской церковной организации, но и епископами Киева, также как Константинопольский патриарх считается епископом Византии, а папа Римский – епископом Римской области.

За 988-1242 гг. из 27 киевских митрополитов, о существовании которых свидетельствуют церковные историки, 15 считаются по происхождению греками – Леонтий (Леон, Лев, Леонт) (991-1007 гг. (1008 г.)) [9, с. 250], Феопемпт (1035-1049 гг.) [10, с. 145], Ефрем (упоминается под 1055 г.) [8, с. 445], Иоанн III (1089-1091 гг.) [9, с. 27], Николай (1097-1102 гг.) [Там же, с. 391], Никифор I (1104-1121 гг.) [Там же, с. 378], Никита (1122-1126 гг.) [Там же, с. 371], Михаил II (1127 г. (1129 г.) – 1145 г.) [Там же, с. 335], Константин I (1155- 1159 гг.) [Там же, с. 216], Феодор (1161-1163 гг.) [10, с. 90], Иоанн IV (1164-1166 гг.) [9, с. 28], Константин II (1167-1177 гг.) [Там же, с. 216], Никифор II (1182-1198 гг.) [Там же, с. 378], Матфей (1209-1220 гг.) [10, с. 346], Кирилл II (1224-1233 гг.) [Там же]. Из числа полоцких епископов «греками» признаются – Косма (1143-1156 гг.) [9, с. 223], Николай (1183-1184 гг.) [Там же, с. 392], упоминаемый в 988 г. Владимиро-Волынский епископ Фома [10, с. 270-271], Переяславский – Николай II (упоминается под 1123 г.) [9, с. 392], ростовский – Федор I (990 г. (либо 992 г.) – не позднее 1023 г.) [10, с. 92-93], Новгородский – Иоаким (989-1030 гг.) [8, с. 535], Мануил, епископ Смоленский (1137-1169 гг.) [9, с. 286]. Таким образом, если верить исследователям Русской Церкви, значительная часть архиерейских кадров Древней Руси, особенно на начальном этапе христианизации, имела греческое происхождение.

Церковная историография сохранила и другие сведения о национальном составе прибывающих на Русь первоиерархов. Так, легендарного киевского митрополита Михаила (ум. 992) считают сирийцем, Владимиро-Волынского епископа Стефана (992-1001 гг.) – болгаринном [10, с. 45]. Сомнения возникают по поводу происхождения киевских митрополитов – Иоанна I (1019-1035 гг.), одни считают его греком, другие – русским [9, с. 25], Георгия (1062 г. (либо 1067 г.) – 1077 г. (либо 1079 г.)) – греком либо грузином [8, с. 319], Иоанна II (1077 г. (либо 1080 г.) – 1089 г.) греком, по другим предположениям болгаринном [9, с. 26], епископа ростовского Леонтия (ок. 1051 г. (либо 1053 г.) – 1070 г. (либо 1073 г.)) одни считают русским, другие – греком [Там же, с. 251]. С чем же связаны эти сомнения? Ведь речь идет о первых лицах церковной иерархии. Причина такого состояния дел – состояние самих источников. Но почему документальные свидетельства прошлого не сохранили достоверных сведений о биографии архиереев? На эти вопросы нет однозначного ответа. В каком случае сведения о митрополитах и епископах, правивших на Руси, могут быть поставлены под сомнение? Остается лишь предполагать. Возможно, пропасть между славянским населением и прибывающими для служения иерархами связана с языковым барьером, тогда круг общения архиереев должен быть максимально узким и, как следствие, отсутствие у автохтонного населения интереса к их личности, но тогда правомерен вопрос о статусе высших церковных иерархов в домонгольский период. Возникает вопрос о том, каким образом они попадали на Русь – по личной инициативе, как, например, епископ смоленский Мануил [12, с. 150], либо решением Константинопольского патриархата [7, с. 64], возможно, кандидатуры епископов подбирались митрополитами или князьями из числа известных им лиц [10, с. 45], не исключено, что княжеская власть напрямую влияла на данные процессы, что подтверждает миссия дочери князя Всеволода Анны (Янки), приведшей на Русь митрополита [13, с. 146].

Но важен и другой аспект – насколько корректно говорить о национальной принадлежности человека для изучаемого периода? Ведь в большинстве случаев определение «грек» нельзя воспринимать буквально. В условиях, когда сведения о жизни архиереев весьма обрывочны и порой не достоверны, это, скорее, указывает не национальность святителя, а «обозначает» его как византийского ставленника, либо место, откуда он прибыл на русскую кафедру, т.е. фиксирует формальную принадлежность к константинопольскому патриархату, либо факт получения сана на территории Византии. В итоге прозвучавшие вопросы остаются открытыми.

С другой стороны, правомерно ли применительно к средневековью использовать термин «национальность»? Для западноевропейской традиции того времени характерным является восприятие человека по территориальной, географической принадлежности, например, Екатерина Сиенская, Николай Толентинский, Альберт Генуэзский, Франциск Азисский и др. Не является исключением и Древняя Русь. Нам известны Антоний Печерский, Мартирий Рушанин (из Старой Русы), Климент Смолятич. В этом случае мы можем говорить

о месте рождения либо деятельности святителя, либо месте совершения им духовного подвига. Так, например, известно, что Киевский митрополит Никифор I (1104-1121 гг.) родом из Суры Ликийской (в Малой Азии) [9, с. 378], Иоаким Новгородский, возможно, родом из Корсуни (989-1030 гг.) [8, с. 535], а Кирилл II (1224-1233 гг.) пришел на Русь из Греции [10, с. 346]. К числу уникальных известий необходимо отнести запись об упоминаемом в 1237 г. митрополите Иосифе, который до назначения на русскую митрополию был епископом в Никее [9, с. 137]. К сожалению, других сведений о нем не сохранилось. Поэтому остается неизвестным: факт назначения на Русь рассматривался как повышение статуса архиерея (епископ ставится во главе митрополии), или немилость, связанная с удалением из древнего христианского центра Никее в русскую митрополию, занимавшую, согласно перечню Константинопольского патриархата (в списке XII в.), 60 место [11, с. 213].

Таким образом, церковная историография свидетельствует о многонациональном составе архиереев, характерном и для монашеской среды того времени [4, с. 112, 114, 132, 143, 152, 182], при этом авторы летописей не испытывают никаких национальных предпочтений. Не прослеживаются в ранних летописных источниках и черты разделения христианского мира на «запад» и «восток», католичество и православие, что позволяет сделать вывод о единстве христианского мира в изучаемый период [6]. Несомненно, что каждый из приходящих епископов привносил в русское христианство черты религиозной традиции своих регионов в книжной культуре, богослужении, интерпретации священного писания, что приведет к значительной вариативности церковных традиций в различных княжествах. К сожалению, церковная историография, с которой связано большинство работ по сформулированным проблемам, не обратила на данное обстоятельство должного внимания. Возможно, это объясняется тем, что для церковных авторов более ценными виделись сведения о месте рождения иерархов, т.к. это связано со статусом этих территорий в рамках христианского мира, ведь Никея и Греция были древнейшими центрами христианства. Акцентируя внимание на месте рождения иерархов, церковные авторы подчеркивали преемственность культур, их возможное покровительство, патрональность в отношении древнерусской церковной организации.

Не однозначен вопрос и о «русском» происхождении архипастырей. Так, первыми русскими митрополитами принято считать Иллариона (1051-1054 гг.) и Климента (1147-1155 гг.). Но насколько правомерно употреблять термин «русские», т.к. в описываемый период четко фиксируется грань между пришлой варяжской верхушкой в лице князя, его дружины и, возможно, духовенства (условно говоря, «византийского происхождения») и автохтонным населением, также национально пестрым (по течению Днепра – славянские племена, на северо-востоке – финно-угорские, юго-востоке – тюркские). Если учесть, что летописные источники свидетельствуют о прямой причастности княжеской власти к поставлению данных митрополитов [14, стб. 217], то рассмотрение данного вопроса крайне осложняется. Тем не менее, так же, как в отношении к пришлым архиереям, церковная историография по возможности уточняет происхождение и местных кандидатов в священство. Так, например, Мануил (Лемешевский) решил, что митрополит Илларион родился в семье нижегородского священника [8, с. 502]. Впрочем, не вызывает сомнения то, что в середине XI в. наблюдается тенденция к возведению на высшие ступени церковной иерархии кандидатов из автохтонного населения, национальная принадлежность которых между тем не поддается однозначному определению, что объясняется отсутствием в тот период самого понятия «национальность».

С утверждением на митрополичьем престоле в середине XI в. «русина» Иллариона, а позднее – Климента Смолятича на епископские должности возводятся кандидаты из местного духовенства. Так, согласно церковной историографии, ростовский епископ Исая (1077 г. (1078 г.) – 1089 г. (1090 г.)) родом из киевской области [9, с. 167], Федор II, епископ ростовский (1169-1172 гг.), именуется «Калугером» [10, с. 96], Мартирий Рушанин происходил из Старой Русы [9, с. 289], будущий святитель Кирилл родился в Турове [Там же, с. 210]. С середины XII в. в Великом Новгороде появляются выходцы из местных боярских родов – Илья (Иоанн) [Там же, с. 29] и его брат Григорий (Гавриил) [8, с. 348-349], Антоний (Добрыня Ядрейкович) [Там же, с. 102]. Таким образом, так же, как в случае с архиереями иноземного происхождения, церковная историография обращает внимание на место рождения епископов.

Однако достоверность сведений о личности архиереев домонгольского периода, вопреки мнению церковной историографии, в большинстве случаев проверить не представляется возможным, т.к. значительная часть житийной литературы сформировалась в XIV-XV вв., а наиболее ранние летописные источники – Лаврентьевский и Ипатьевский своды – не содержат сведений о «национальном» происхождении иерархов Церкви. При этом летописцы при характеристике первоиерархов из местного или пришлого духовенства особых предпочтений не испытывали.

Рассматривая вопрос о социальном происхождении епископов изучаемого периода, следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев он также практически неопределим. Попробуем проанализировать сохранившиеся до наших дней сведения. В работе митрополита Мануила (Лемешевского) [9, с. 29], обобщившего значительный корпус церковных исследовательских материалов и исторических источников, указывается, что большинство архипастырей происходит из знати, например, Лука Жидята, Кирилл Туровский, Иоанн (Илья) и Гавриил (Григорий) новгородские, Стефан II Владимиро-Волынский и др. Однако свои выводы церковный историк никак и ничем не подтвердил.

О социальном происхождении иерархов раннего периода известий практически не сохранилось, исключение, пожалуй, составляет лишь личность Луки Жидяты, который, согласно церковному преданию, происходил «из знатного рода» [Там же, с. 255]. Современник Луки Владимиро-Волынский епископ Стефан

родился около 1040 г. в семье богатых родителей [10, с. 45]. Лучше обстоит дело в отношении иерархов более позднего времени. Сведения становятся чуть подробнее, указывая место рождения, род занятий до пострига. Так, согласно проложному житию, святитель Кирилл Туровский родился в семье богатых родителей в г. Турове [5, с. 5; 9, с. 210]. Но житие преподобного, известное в списках XIV-XVI вв. [15, с. 232], не уточняет, к какому социальному слою принадлежали его родители. Между тем для агиографа факт состоятельности выступал в качестве решающего аргумента. Вероятно, именно это позволило Кириллу стать игуменом Борисо-Глебского монастыря, в котором он прежде принял постриг.

Значительный интерес представляет фигура Ефрема Переяславского. Он, согласно житию, до пострига в Печерском монастыре был казначеем и управлял хозяйством при дворе князя Изяслава Ярославича [8, с. 445]. Владимир-Волынский епископ Никифор был родом из бояр Волынского князя Василько Романовича [9, с. 376]. Таким образом, данные архиереи, первоначально принадлежали к состоятельной княжеской элите русского общества того времени. Интересно, а изменился ли их социальный статус с принятием сана? Можно ли рассматривать данный шаг как попытку перехода из светской в духовную иерархию, т.е. как переход из одной элиты в другую. Но ведь в случае с Никифором это могло быть политическим решением Волынского князя с целью поставления лояльной либо управляемой кандидатуры, обличенной высшей духовной властью.

Новгородская традиция второй половины XII в. свидетельствует о возведении в святительский сан представителей боярской среды. При этом очень интересен факт, что родные братья Илья (Иоанн) и Григорий (Гавриил) поочередно занимают владычную кафедру в Великом Новгороде. Источники свидетельствуют о сознательном назначении Ильей (Иоанном) преемника на архиерейском престоле, подтвержденном решением новгородцев. Задолго до изучаемого периода данная традиция прослеживается в Западной Европе. Так, известно, что при германском императоре Оттоне I после смерти вюрцбургского епископа Поппона (14 февраля 961 г.) на кафедре его сменил его «близкий родственник [тоже] Поппон» [2, с. 47]. Годом ранее майнцским архиепископом становится внебрачный сын Оттона I Вильгельм [Там же]. Ситуация в Новгороде отличается лишь тем, что в описанных выше случаях решение принимается королевской властью, а в условиях новгородских реалий второй половины XII века политическая власть, при ослаблении позиции князей, принадлежит боярским кланам, а владычная кафедра позволяет им сосредоточить в своих руках рычаги политической, судебной власти, контролировать экономические процессы в новгородской земле. Следовательно, можно говорить о том, что к концу изучаемого периода происходит процесс консолидации правящего сословия, объединяющего политическую, экономическую и духовную элиту русского общества. Вызывает интерес и другой аспект – что подвигает представителей знати принимать монашеский постриг и стремиться к архиерейским должностям. Помимо благочестивых порывов, это могло быть связано и с другими причинами. В условиях княжеских усобиц епископская власть представляется относительно стабильной – пожизненное избрание (не считая острых внутрицерковных конфликтов), постоянный доход (княжеская десятина, пожалования мирян, собственное хозяйство) [7], независимый от князя двор, подвластный и подсудный клир и т.п. [8] Экономические преимущества также очевидны – переданные Церкви состояние или земли изымаются из княжеского налогообложения и относительно надежно защищены от посягательств угрозой проклятия. Немаловажен и социальный фактор, в отдельных случаях, в связи с особенностями политического развития княжества либо личными качествам архиереев, они по статусу встают в один ряд с представителями правящего рода Рюриковичей, тем самым обеспечивая себе особое положение в социальной иерархии.

Вызывает интерес известие о митрополите Иларионе, которому в церковной историографии приписывают рождение в семье нижегородского священника [8, с. 502]. Если принять данные сведения как достоверные, то это означает, что на Руси, спустя полвека после крещения, уже возникают семейные династии в рядах священства.

Так почему же в значительной части случаев социальное происхождение архипастырей не определено? Можно ли усматривать в этом сознательное замалчивание? Вероятно, нет. Скорее всего, это можно отнести к общей скудности известий о жизни и деятельности русских архиереев, но не исключен и другой факт. В русском обществе на том этапе развития не могло существовать такого понятия, как «социальный слой» (в современном нам понимании). Для обозначения места человека в обществе использовались совсем иные категории – «свободный – не свободный», «бедный – состоятельный», а то, что мы понимаем как «социальный статус», определялось степенью личного, корпоративного или родового влияния на политические, экономические и идеологические процессы.

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что на сегодняшний день не сохранилось достоверных сведений о происхождении подавляющего числа архиереев домонгольской Руси. Если говорить о национальной принадлежности, то для изучаемого периода это понятие в большинстве случаев не применимо, но данная проблема требует дальнейшего обстоятельного изучения. Имеющиеся известия свидетельствуют о приходе на Русь значительного числа священнослужителей из разных регионов христианского мира. На этапе становления русской церковной организации, не имея структуры по подготовке кадров священнослужителей, Киевская митрополия, возможно, вынуждена была комплектовать состав архиереев из самых разнообразных по социальной и этнической принадлежности лиц иноземного происхождения. Открытым остается вопрос о том, каким образом эти личности попадали на Русь – по личной инициативе, по направлению Константинопольского патриархата, по приглашению Киевских митрополитов или князей. Не вполне понятно и то, каким был механизм принятия данных лиц на церковную службу. Что же касается национальной принадлежности кандидатов, то она остаётся неопределимой даже для представителей местного духовенства.

Скудны и во многом легендарны известия о социальном происхождении епископов. Статус пребывающих на Русь архиереев в подавляющем большинстве случаев не поддается определению. Для кандидатов из местного священства прослеживаются связи с княжеским окружением, знатными, в том числе боярскими родами, и приходским духовенством, т.е. главным образом с состоятельными слоями населения. Подобная ситуация объяснима. Постановление на церковные должности было делом дорогостоящим, но оно позволяло архипастырю в будущем обеспечить себе политическое влияние, социальный статус, порой сопоставимый с княжеским, и стабильный финансовый доход. Следовательно, ставленник с лихвой окупал приложенные им усилия. Таким образом, несмотря на скудность источниковых известий, у нас появляется возможность прояснить отдельные аспекты национального и социального происхождения архиереев домонгольского периода.

Список литературы

1. **Гидулянов П.** Митрополиты в первые три века христианства // Ученые записки имп. Московского университета Юридического факультета. М., 1905. Вып. 25. 377 с.
2. **Древняя Русь в свете зарубежных источников:** хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. IV. Западноевропейские источники / сост., пер и коммент. А. В. Назаренко. 512 с.
3. **История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием.** М.: Синод. тип., 1807. 677 с.
4. **Киево-печерский патерик** // Древнерусские патерики / изд. подг. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М.: Наука, 1999. С. 109-185.
5. **Колесов В. В.** Творения блаженного Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты. М.: Палея, 2009. 208 с.
6. **Костромин К. А.** Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до сер XII в.): дисс. ... к.и.н. СПб., 2011. 241 с.
7. **Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью.** М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
8. **Мануил (Лемешевский), митр.** Русские православные иерархи. 992-1892. М., 2003. Т. 1. 543 с.
9. **Мануил (Лемешевский), митр.** Русские православные иерархи. 992-1892. М., 2003. Т. 2. 607 с.
10. **Мануил (Лемешевский), митр.** Русские православные иерархи. 992-1892. М., 2003. Т. 3. 487 с.
11. **Назаренко А. В.** Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. 528 с.
12. **Подтвердительная грамота епископа Мануила** // Гайденок П. И., Фомина Т. Ю. История Русской Церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (бзор письменных источников). М., 2009.
13. **Полное собрание русских летописей.** Л.: Издательство Академии наук СССР, 1926-1928. Т. 2. Лаврентьевская летопись. 379 с.
14. **Полное собрание русских летописей.** СПб., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. 938 стб.
15. **Со Сон Джонг.** Житие Кирилла Туровского в составе Пролога // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 55. С. 228-239.
16. **Строев П.** Список иерархов и настоятелей монастырей российской Церкви. СПб., 1877. 573 с.

TO PROBLEM OF NATIONAL AND SOCIAL BISHOP ORIGIN IN PRE-MONGOL RUSSIA

Fomina Tat'yana Yur'evna, Ph. D. in History
Naberezhnye Chelny Institute of Social-Pedagogical Technologies and Resources
stal73@yandex.ru

The problem of national and social bishop origin in pre-mongol Russia is considered. In fact chronicles contain no news on the subject-matter. Hagiographic literature is mostly fabled and dates back to the XIV-XVI centuries. Church historiography suggests a multinational composition of the bishop staff. The so-called bishops "Rusyns" came from princely background before their enthronement, also from boyar background, or they continued priestly families tradition. However, most of this data is not supported by historical sources.

Key words and phrases: Ancient Russia; church hierarchy; bishops; clergy.